

18+

Владимир Корчагин
С востока на запад

С острова на материк

Римид Нигачрок
С востока на запад.
С острова на материк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503865

ISBN 9785448536335

Аннотация

Где вымысел, где правда о пережитом мною, собрал я эпизоды книгою одною. Писал её все годы – от школы до сих пор, я не поэт, поэт ли, решите этот спор.

Содержание

С ОСТРОВА НА МАТЕРИК	7
Жаль прошлого не жаль	7
Кроме меня никто	9
Старатель	11
Последыш	14
Письмо на материк	16
Остров Сахалин	18
Островитянин	20
Спасая семью	21
Семейный обед	26
Укол	28
Дядя Юзеф	29
Папа спит	32
Как ты мог	36
Добыча	38
Печь	39
Помощь району	40
Жешарт	42
Добыча	44
Ловить жуков	45
Летит!	47
Звено найти	48
Примерный ребенок	51

Персик	53
Злые игры	54
Подражание	56
Рыбалка	58
Не худшая дорога	59
ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ	61
Игры детства	61
Девяти лет	63
Сгущенка	65
Мы с другом	66
Недостоин	68
Каникулы	69
Весенние хлопоты	71
Знакомиться	73
Улицы детства	75
Канал	77
Пошутила	82
Корочки вкус	85
Расстояние	87
Школьные годы	89
Учитель	91
Книги не те.	93
На вершине ветер	95
В такую погоду	97
Кросно	99
Подсолнух и лодка	100

Первые стихи	103
Щепкой	105
Без романтики красок	108
Город отца	111
Пищей духовной	113
Письмо пришло	116
Понарошку	118
Охота рыбачить	120
Семнадцать	122
Семнадцать лет	123
Восемнадцать	125
АТЫ-БАТЫ, ШЛИ СОЛДАТЫ	126
Перекур	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

С востока на запад С острова на материк

Римид Нигачрок

© Римид Нигачрок, 2020

ISBN 978-5-4485-3633-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С ОСТРОВА НА МАТЕРИК

Жаль прошлого не жаль

То я боюсь забыть былое,
Перебирая день за днем,
То говорю себе, не стоит
Хранить, а выжечь бы огнем.

А вскоре снова пыль сдуваю
С далеких дней, и улыбнусь
И фото старому, листая
Альбом, а он наводит грусть.

Нет, нет, нельзя так беспокоить
Почти уснувшую печаль,
Пусть остается всё в покое,
Не жаль мне прошлого, но жаль...

И лето нынешнее тоже
Уйти неспешно собралось,
Забыть весну оно поможет,
Весна опять придет авось.

Ведь жизнь моя не настоящая,

С надеждой верится мне в ложь,
И не меня уложат в ящик,
На мертвеца я не похож.

Трех лет девчонка прибегает,
Влезает к деду на коленки,
И он как дочку приласкает
Свою же внучку. Эта сценка

Невольно в прошлое забросит,
Когда ты сам такой же кроха
Трех лет, пяти и даже в восемь
Звал мамку, если было плохо.

А мамы нет, и некому утешить,
И старику и плакать не пристало.
В минувшее ни поездом, ни пешим
Не попадешь, а там бы снять усталость,

Одежду сбросив, с берега нырнуть.
Как хорошо!.. Уходит тихо лето,
Но я вернусь, меня ты не забудь,
Дитем опять когда-нибудь и где-то,

Как в той же внучке мамина душа
Живет, быть может, я не узнаю.
И дни ушедшие, меня уж не пугают,
Подхватят внуки душу и мою...

Кроме меня никто

Кроме меня, кто мне расскажет,
Как жил, что делал, где бывал,
Ни друг, ни брат, ни мама даже,
Роман в стихах всю жизнь писал.

Случайный плёвый эпизод
Переложу под рифму слова
Экспромтом, бегло, так сойдет,
Тяп-ляп, минута, стих готовый.

Опилоч, щепоч, веточ горы,
Я строил храм воображеньем,
Хотелось жить, не жить в котором,
От бед реальных утешеньем.

И мне неважно, есть ли уши
Внимать пустяшные рассказы,
Держать в темнице пленной душу
Ни час, ни миг не стану даже.

И лучший друг, и враг коварный,
Я сам себе, и мне не скучно,
Душа звучит струной гитарной,
Я ум настрою с ней созвучно.

Кто может лучше рассказать,
Кроме меня, судьбу мою же,
В ней бури, слякоть, тишь и гладь,
И тот рассказ мне только нужен.

Но если есть, кто будет слушать,
Не удержусь пред искушением,
Изнанкой выверну я душу,
Доверю другу с подношеньем.

Что есть, забуду я, коварство
И подлость, зависть и корысть,
Как только лишь проглотят яства,
В тот час и душу станут грызть.

Истопчут солнечное поле,
Сорвут цветы, загубят сад...
Я их впустил по доброй воле,
Так прогоню в тот час назад.

Держать калитку на запоре
Не стану, если захотят
Войти, не буду с ними спорить,
Друзья вы если, вам я рад.

Старатель

Говорят, на юг Сибири
Люди едут мыть песок.
А пока ты парень в силе,
Вань, поехать ты бы смог?

Зазывал в артель рабочих
Наш купец, готов рискнуть.
Мы живем уж бедно очень,
Но опасный длинный путь.

Там, на речке, на Амыле,
Говорят, в тайге глухой,
Золотишко люди мыли,
И с богатством шли домой.

Ладно, батя, я готовый
Постараюсь для семьи.
Воротиться, дай нам слово,
Нужда давит, нас пойми.

Верхом, пешком, в телеге
Продвигались на восток,
Степи, горы, топи, реки...
Пропадем, спаси нас Бог!..

Добрались – проходит месяц,
Край земли, медвежий край.
«Будем хату ставить здесь!
Инструмент-ка разбирай!»

Рядом горная речушка,
Сосны, пихты и кедроч.
Бревна тащит на горбушке,
Наш Иван, ого, силач!..

Вот и стал Иван старатель,
Ему латок, лопата и кайло —
Жена и батя, и приятель;
И гнус сосал, и солнце жгло.

Мечтал, найти бы самородок,
Иль россыпь горстью загребать.
Зима и лето – мчались годы...
До нитки спустит всё опять,

Как в кабаке фарта найдет,
Забудет, что его заждались,
Что обещал он наперед,
И пьет потом уж от печали.

Но девку всё-таки сосватал,
Из местных, сущая дикарка,
Он бросил пить, поставил хату,
И баньку топит очень жарко.

Год-два – родит ему сынка,
Еще годочек – девка в доме.
Пусть и крепка еще рука,
Но кашель бьет и кости ломит.

В семь лет сгорел Иван и помер,
Детей – две девки, три сынка,
Кормильца нет – и горе в доме.
Песком златым полна река...

Последыш

Дочки, дочки и что, носитель фамилии – раз!
Эти – замуж, отрезан ломоть, ты – наследник,
Повырастали и в город, им он лучше горазд,
Хоть колхоз и богат, и я в ряду не последний.

Что, Владимир? Ты тоже стыдишься села?..
Дом куда же: умру, кто останется? Мыши!..
Комсомолец, отличник, работник – хвала
Раззадорит и сгинешь: старика-то ты слышишь?

Дочи: Женя с Машей, и Катя, ты – последыш,
Мне в награду, женись, коль приспичит, но здесь.
Тятя, я, как они я хочу, в город, я учиться уеду!..
Если нет – пропаду, опозорю фамилии честь.

Вот тут пишут: вербуют на стройки Востока.
На три года всего, я туда и рвану рубить рубль...
Мамку с кем, как умру, ей вдовой одинокой?..
Дочки в город возьмут: молодым она в убыль.

Здесь бы жил: дом родной, ты и плотник, и столяр,
Мы династии род: дед твой, прадед топориком тюкал...
Тятя!.. Отслужил я три года, и толку что спорить —
Я путевку уж взял... Сын, жизнь скверная штука:

Царь Николка, война, революция, снова война,
Нахлебались беды, и березовой каши наелись,
Не тайга, так пропали бы, в лихолетья спасала она...
Ладно уж, когда едешь? Тятя, осталась неделя.

Тятя, прости!.. Бог простит... Год, но три я не сдюжу,
Не увидимся, сын, хоть оградку сработать вернись.
Вот такие, как ты, восстанавливать Родину, нужен,
У меня – по откос, у тебя начинается жизнь...

Письмо на материк

... Живешь, узнал от Жени, в Новосибе,
Тебе, мол, Катя выделила угол,
Мария, мол, учителем в поселке, на отшибе,
Мам, в город кинулась, с какого перепуга?..

Колхоз оставила, и дом, могилка зарастает,
А я приехать к вам пока что не сумею,
Женился осенью, жизнь в прошлом холостая,
Она из местных Шура, дочь годовалую имеет.

Рублю я дом себе, от Мякшиных отдельно,
Жить вместе тесно, а в общежитии невтерпеж.
В приданном куры, хряк, да и корова стельная.
Зимой в два метра снег, дорогу не пробьешь.

Да, остров Сахалин, край этот каторжанский,
Тайга и сопки; народ: ороки, айны да японцы,
И зоны, и военных встретишь, и гражданские,
Восток далекий, там, где всходит солнце...

Кто валит лес, кто бьет пушнину в зиму,
А я рублю дома с зари до поздней ночи.
К складам узкоколейка, катают там дрезину,
Директор леспромхоза завод построить хочет.

Ну, всё, мам, до свиданья! Целую, обнимаю.
За просто так к нам в гости никто не приезжает,
Бумаги, разрешение и вызов, понимаешь...
Что поспешил жениться, что здесь живу, не каюсь.

Остров Сахалин

Где он, остров Сахалин?
Я ищу на карте...
Затерялся между льдин,
Прячется в закате?

Говорят: Дальний восток.
Там и солнце всходит,
Как каблук Российских ног,
Оторвался вроде.

Вот он, остров – ржавый гвоздь,
Отделен проливом.
Для него не просто гость —
Здесь рожден счастливым.

Где ж район-то Лесогорск
И поселок Горки?..
Этот остров, где я рос —
Край земли, задворки.

Но недолго, года три —
Это разве сроки? —
Увезли на Материк,
В Красноярск далекий.

Но я чувствую душой,
С ним навеки связан,
На побывку б хорошо,
Съездить я обязан.

Может, там я и не жил,
Не рождался даже,
Нептун остров утопил,
Остров лишь бумажный.

Я куплю туда билет,
Путь обратный долог...
А района больше нет,
И сгорел поселок...

Островитянин

По метрикам рожден на Сахалине,
В поселке Горки, что лежит в долине,
Где речек тьма, тайгой покрыты горы,
В тридцати верстах по бездорожью город.

Дальневосточник, да, островитянин,
И в те края меня порою сильно тянет,
Трехлеткой пусть свезли на Материк,
И по рассказам мамы, вычитал из книг,

Как будто лично помню, в самом деле,
Поселок, сопки, море, жуткие метели.
С тех пор минуло больше чем полвека,
Не соберусь никак на Родину поехать,

Хоть пару дней на остров, как в былое,
Душой под старость, может, успокоюсь.
По существу чужой мне край далекий,
Но и судьбы начало всех путей истоки.

Спасая семью

А он женился по любви,
Но мать его так не считала,
И с первых дней начав опалу,
Невестку принялась гнобить

Упреком злым несправедливым,
Мол, охмурила сына баба,
Коль поумнее был он кабы,
Не быть ему с тобой счастливым,

Взял б городскую, не с поселка,
Красотку умную с дипломом...
А то гнобит и по-другому.
Она с дитем, сынок, что толку

Кормить чужого, грех чужой,
Оставь её, пока не поздно,
Пока уехать в город можно,
А год пройдет, родится свой.

Так лет ворчала пару-тройку,
Родился сын, построен дом,
И можно жить, всё об одном
Ворчит свекровь, невестка стойко

Всё терпит, крутится волчком,
Детей отводит к старикам
С утра, (ворчит и мама там),
Хлеб выпекать бежит потом.

Свекровь приедет и уедет,
Настроив сына, он же пьёт,
И сгоряча жену уж бьёт,
Бегут спасать её соседи.

Она ребеночка носила,
Как приглянулась холостая
Ему подружка. Тварь такая! —
И мужа с дракою отбила.

Он успокоился, что толку,
Письмо от матери, больна,
Умрет, мол, вскорости она.
«Поеду к ней, я ненадолго».

Оформил отпуск и поспешно,
Собрался махом – был таков!
«Я знаю точно, лжет свекровь,
Женить задумала, конечно!..»

Детей бросает и... вдогонку.
Холмск – Ванино, в Новосибирск.
Далекий путь, огромный риск,
Ребенок бьет нутро ножонкой.

Все точно, как предполагала:
Умна, стройна и городская.
Ему ли нравится такая,
Мать не спросила: Это – Гала,

Возьми в супруги, ту – забудь!..
Не тут-то было, шум и драка...
Кричали долго, но, однако,
Жена и муж в обратный путь.

И родился вскоре третий,
И жизнь опять пошла на лад,
Четыре года так в подряд,
Не зная бед, счастливы дети.

Свекровь теперь не нападает
Нахрапом, только лишь зовет
На Материк, который год,
Без внуков, мол, я пропадаю.

И вдруг решил: «Уедем с Сахалина
Куда-нибудь, хотя бы в Красноярск,
Твои там сестры, в самый раз».
Да будет так, как захотел мужчина.

Устроились семьёю в коммуналке,
И в детский сад оформили мальчишек,
Свекровь не злые письма пишет,

И посещает школу дочка Галка.

Еще один родился мальчик,
Прошло всего полгода с той поры...
Наверняка кто знает правила игры
Судьбы, где беды ждут, а где удачи.

Что накопилось за семь лет
В душе плохого, прорвалось,
И в дверь стучится страшный гость:
Ваш муж погиб... и меркнет свет...

О, горе мне, одна с четверкой
Осталась я, как дальше жить?!..
Кого судить, кого винить?..
И душу рвет и боль, и страх, и горько...

И начались опять мытарства,
Всё бросила, из города в поселок;
Жильё, работа, садик, школа...
Как тяжкий грех, судьбы злорадство.

А через год опять в дорогу —
В край не обжитый, Жешарт, Коми.
Зима сурова, мерзли в доме...
Куда гнала судьба, ей богу?!..

И год минул, и едут снова
На Абакан, в сухие степи,

Метаний этих нет нелепей.

«До смерти здесь, даю я слово!»

Семейный обед

Отца я помню как в тумане,
Пять-шесть найдется эпизода,
Но память детская обманет,
В те дни, вернувшись через годы.

Веселый, стройный и подвижен,
А может, строгий, даже злой,
В рассказах мамы его вижу,
Во мне, ребенке, он живой.

Семейный стол полуовальный,
Отец, я слева, справа брат,
Так усадил нас специально —
Учить приличиям ребят.

Мне ложку левою рукою
Взять неосознанно хотелось,
Отец мне строго: Что такое? —
Бьет подзатыльник то и дело.

А брат откусит хлеб и долго
Жует его и не глотает,
Отец встряхнет его за холку, —
Не подавись, запей-ка чаем!

К его приходу дети в чистом
Должны одеты быть и рядом,
И стол накрыт семейный быстро,
После отца все только сядут.

Жена должна сидеть напротив,
А рядом с мамой дочь Галина;
Кастрюля с супом, с мясом протень;
Отец вино нальет с графина...

Сам помню ль это пятилетним,
Иль мама позже рассказала,
Как притихали сразу дети —
Отец входил неспешно в зало.

И те семейные застолья,
И воспитательные меры,
Не мог придумать я, тем более
С годами в память крепнет вера.

Укол

Врач педиатр стучится. Входите!..
Руки помыть можно здесь, и раздеться...
Как увижу врача, я нуждаюсь в защите,
В пятках душа и колотится сердце.

Мама, мне страшно, боюсь я укола!
Пусть тетя уйдет поскорее. Сынок!..
Лежу на коленях я с попою голой,
Ни вопли, ни мама, никто не помог.

С тех пор я укола боюсь до икоты,
И врач для меня пострашнее цыган,
С недугом в больницу иду с неохотой,
Мне сон и покой для здоровья гарант.

Дядя Юзеф

Дядя Юзеф утонул,
Немец, пленный с Кенигсберга!
Ты чего кричишь так, Верка?
Успокойся, сядь на стул...

Ну, рассказывай, родная,
Что случилось, в чем беда?
Ледяная ведь вода...,
Спьяну он полез, не знаю...

Кто полез? Да дядя Юзеф,
Там на озере в горах,
С камня прямо, божий страх,
Высоко, ползу на пузе

К краю самому, всплывет,
Нет ли, думаю, гадаю...
Всплыл как будто, выгребает,
Пред собою гонит лёд.

А потом нырнул и сгинул,
Пять минут, его всё нет,
Для меня померк тут свет,
Я – орать, бегут мужчины.

Дочка, что, сломала ногу?..
Или в озере русалку
Ты узрела?.. Дядю жалко,
Он нырнул, утоп, ей богу,

Дядя Юзеф. Эй, ребята,
Там у берега есть плот.
Ну, тогда бежим вперед!
Спрячт с кем-то, кроют матом,

Плот спихнули и шестом
Тычут дно куда попало...
Ну, а я тут побежала
Рассказать скорей о том.

Вот так да, беда большая,
Дядя Юзеф, смелый хрыч,
Не убит в войну. Не хнычь,
Верка, думать мне мешаешь.

Надо как-то тетю Нину
Поддержать, помочь, поди,
От него дитя родит,
А тут немец взял и сгинул.

Мужики идут, смотрите,
Может, все-таки достали?!
Сбегай-ка, узнай-ка, Валя,
Вова, Саша, Вера, Витя

По домам, а ну – бегом!..
Дядя Юзеф стал покойник.
Влезли мы на подоконник,
Видим крышку под крестом.

Жутко, страшно, но манит:
Люди, свечи, гроб, венки,
В крест лежащих две руки.
Дядя Юзеф крепко спит...

Папа спит

Пятилетний мальчишка осознает
Себя в городе большом и страшном.
Видит, в небе летит самолет,
Тянет ручку ребенок напрасно.

А во сне самолет тот упал на ладонь —
Теплый маленький, словно игрушка;
Мчит галопом норовистый конь,
В страхе мальчик вцепился в подушку.

Мама с папой, сестренка и братья —
Все в одном разместились жилье:
В центре стол, а по стенам кровати,
Из окна виден парк и Дворец...

Едут летом в деревню на волю.
Будет папа на стройке трудиться,
Отдохнут брат с сестренкою к школе,
С сентября им обоим учиться...

Для семьи дали дом брусовой,
Под окном палисад. Крытый двор.
Долго дом простоял нежилой.
Пол помыли и вынесли сор...

Во дворе на веревках качели,
А за домом большой огород...
Пару месяцев так пролетели,
И семья в мире-счастье живет...

Ночь. Темно. Будит мама детишек:
Собирайтесь! Мы едим домой...
Вот машина подъехала, слышат.
Папа пьяный сегодня и злой...

Шестимесячный крохотный братик
Неустанно и нудно орет —
Среди ночи подняли с кровати.
«Эй, заткните крикливому рот!»

Папа злой, папиросы ломает,
Всё не может никак прикурить.
Вещи мама спеша собирает:
«Я прошу, дорогой, не дури!..»

Он один остается в деревне.
Не поймет ребятня ничего:
Не достроил еще? Ждет он денег?
Не пускает начальник его?..

Никаких объяснений, торопит:
Быстро в кузов, не будут нас ждать!
И целуя малюточку в лобик,
Просит баба его подержать...

Вот машина летит по дороге,
В крытом кузове страшно сидеть.
Мама злится, орет, вся в тревоге,
И в окно не дает посмотреть...

Да, я помню тревожное время.
Пятилетним что мог понимать?!
Ясно вижу, как в кузове едим,
Как баюкает братика мать...

Как пришла незнакомая тетка —
Весть дурную она принесла,
Как вопила в истерике в глотку
Мама после, как гостя ушла...

Вижу гроб, а в нем спящего папу.
Жутко так мне к нему подходить.
Почему-то не хочется плакать...
Тети, дяди заносят венки...

Я за дверью в углу, где игрушки,
Наблюдаю, как подняли гроб.
Прощайся! – мне шепчет старушка, —
Поцелуй папу, деточка, в лоб...

Я боюсь!.. Не тащите, не надо! —
Прячусь снова за дверь поскорей.
Несмышленный ты, Вовик, ну ладно...

Четверых ведь оставил детей...

И старушка соседка уводит
К себе в комнату: Будем вдвоем...
Как ты мог удавиться, Володя!?! —
Всё бормочет под нос о своем.

Все ушли. Опустела квартира.
«Выйдем что ли, на двор, поглядеть?..
Ах ты, маленький бедненький сирый!..
Вот и некому больше жалеть...»

На дворе грузовая машина,
И откинута книзу борта.
Гроб подняли на руки мужчины.
Говор тихий. Венки. Суета...

Вот и двор опустел. Напоследок
Крестят воздух и в землю поклон.
Листья желтые падают с веток.
Стар и млад возвращается в дом...

Сорок с лишним годов упорхнули.
Что теперь мне былое жалеть?..
Не узнаю я дом и тех улиц...
Всех рассудит по-своему смерть...

Как ты мог

Как тяжело мне, что вот осталась
Одна совсем, и четверо детей!..
С твоим уходом жизнь моя пропала,
Любимый мой, и подлый змей!

Что ты наделал? Как ты можешь
Уйти, убив себя, семью оставив!?
И злость с обидой сердце гложет,
Так поступить ты был не вправе...

Как дальше жить, скажи на милость,
Одна детей я разве подниму?..
Любимый мой, чего тебе не жилось,
Какой пред Богом грех, я не пойму...

Ну что ж!.. Детей я не оставляю,
Пусть тяжело мне, я вытяну, стерплю,
Печаль свою я в гордость переплавлю,
Пусть предал нас, но я детей люблю!..

Твои три сына, дочь, кровинка от тебя,
Пусть ты ушел, но ты остался с нами...
Детей я подниму, я – мать, и их любя,
Отброшу боль, спеку я нервы в камень.

Ты в землю лёг, а обо мне подумал?..
Мне тридцать пять, кому вдова нужна?
Как ни крути, а надо жить!.. И эту думу
Отброшу!.. Да – вдова, навек твоя жена!

Добыча

От газировки, пива собрал карманы крышек...
Галина отлучилась, а я с вокзала вышел,
Из любопытства, к киоскам вдоль перрона.
Тележку грузчик тянет, на лавке дядя сонный,
Поезд маневровый вагон в тупик толкает...
«Эй, мальчик, отойди-ка, нельзя стоять у края!
Беги-ка к маме лучше, тебя, наверно, ищут, —
Железнодорожник кепку протер платком. – Жарище!»
А я на всякий случай шмыгнул скорей к киоскам,
А там сто тысяч крышек валяются на досках.
Но как не взять с собою блестящие кругляшки,
Фантики, от спичек коробки, красивые бумажки.
С добычей полные карманы иду назад довольный...
«А, вот ты где, пропажа!.. – шлепнула не больно
Галина для острастки, – вот расскажу я маме,
Как ты сбежал без спроса. Что у тебя в кармане?»
Да так ..., а что нельзя взять пробки от бутылок?
«Какие пробки? Гадость! Сейчас же, Вова, выкинь!»
Не пробки, а добыча!.. «Эй, дети, что за крики? —
Вышла мать из двери. – Где Юрик, наши вещи? —
Спросила Галю строго, меня взяла за плечи —
С такой добычей, Вова, в вагон нас не запустят»
Я выгребал карманы с обидой горькой, и грустью...

Печь

Засыпная изба, шесть на восемь, и печь,
Типа русской, в середке – громадой.
На морозе продрог, если, можно прилечь
Хоть втроем, и тесниться не надо.

Палку конь оседлав, нарезая круги,
Я скачу и скачу вокруг печки в атаку,
На пути табурет, слышу звон кочерги,
Мне смешно, хоть и хочется плакать:

На коленке синяк, и заноза в ладонь,
Ну и пусть – я врагов победитель.
Печка дышит теплом, догорает огонь,
И меня, я на ней уже сплю, не ищите...

Помощь районо

Пальто – на два размера,
А валенки – на три.
Зовут меня примерить,
Чтоб радость подарить.

Директор восседает
И тётя с Районо,
Сгораю от стыда я,
И в горле стал комок.

«Примерь, сыночек, пару,
И пальтецо примерь» —
И вдруг я стал так жалок,
Разверзлись снизу твердь!

Как Филиппок Толстого,
Как лилипут в кино, —
«Носи ты на здоровья»
Да, щедро Районо.

Спасибо – как из гроба, —
Мне можно на урок?
Кивает мне особа,
Как твари сверху Бог.

И в класс тащусь с поклажей,
Смешки и шум волной,
Как будто я с проказой,
Несчастный и больной.

Четыре раз по десять —
Я помню как сейчас,
«Подарок» тонну весил,
Когда входил я в класс.

Жешарт

Печное отопление в пятиэтажных,
в домах кирпичных, и без лифта.
На чердаках веревки бельё сушить
привязаны к стропилам.
«Бомбоубежище» и стрелка-указатель
чернеют крупным шрифтом.
В подвалах тесно: там ящики, клетушки,
Как население углем тогда топилось.

Раздолье нам, ребятам: подвалы, чердаки
доступны для тусовок в любое время суток.
Там схроны и лежанки, от взрослых тайники.
Там старшие ребята играют в карты будто
по-крупному на деньги, ворованное прячут.
Там место для свиданок, выпивок и драчек.

А малышне в ту пору, как я сам, дошколятам
казались ужас-сказкой те чердаки, подвалы.
Таинственные тени, страх темноты заклятый
к себе магнитом тянут, какой-то звук, бывало,
В углу раздастся темном, душа уходит в пятки.
Но мы туда стремились, играли даже в прядки.

А город разрастался среди тайги бескрайней,
вбивали сваи шумно, копали котлованы...

За Выгегду за зверем ушли лесные тайны,
Как здесь от новостроек в земле зияли раны.
У старого завода большой завод фанерный
Заложен еще в зиму, как основной, наверное.

Бараки, частный сектор, дома из бруса всюду
В два этажа, с полсотни, где мы когда-то жили.
Тех мест из детства разве когда-нибудь забуду,
и школу, и конюшню, церковей старинных шпили.
Аэродром, за лесом поле, куда толпой бежали
Смотреть мы, ребяташки, как самолет сажали.

Клуб, склады, водокачка, через мосток и школа.
За ней завод фанерный, гараж, забор, сторожка...
Как далеко те годы, места, где был я молод...
Вот вспомнил ненароком, и погрустил немножко.

Добыча

От газировки, пива собрал карманы крышек...
Галина отлучилась, а я с вокзала вышел,
Из любопытства, к киоскам вдоль перрона.
Тележку грузчик тянет, на лавке дядя сонный,
Поезд маневровый вагон в тупик толкает...
«Эй, мальчик, отойди-ка, нельзя стоять у края!
Беги-ка к маме лучше, тебя, наверно, ищут, —
Железнодорожник кепку протер платком. – Жарище!»
А я на всякий случай шмыгнул скорей к киоскам,
А там сто тысяч крышек валяются на досках.
Но как не взять с собою блестящие кругляшки,
Фантики, от спичек коробки, красивые бумажки.
С добычей полные карманы иду назад довольный...
«А, вот ты где, пропажа!.. – шлепнула не больно
Галина для острастки, – вот расскажу я маме,
Как ты сбежал без спроса. Что у тебя в кармане?»
Да так ..., а что нельзя взять пробки от бутылок?
«Какие пробки? Гадость! Сейчас же, Вова, выкинь!»
Не пробки, а добыча!.. «Эй, дети, что за крики? —
Вышла мать из двери. – Где Юрик, наши вещи? —
Спросила Галю строго, меня взяла за плечи —
С такой добычей, Вова, в вагон нас не запустят»
Я выгребал карманы с обидой горькой, и грустью...

Ловить жуков

На крыше пятиэтажки
Майских жуков ловили...
Махнешь наудачу фуражкой,
Жук пойманный сложит крылья,
А ты его в коробок от спичек,
Жужжит он и выход ищет.

Не плоская крыша: крутая,
Крытая шифером белым.
Жуки, как придется летают,
А мы бесшабашно смелые,
Скользишь, догоняя, к краю
Крыши, со смертью играя.

Ловили бы лучше в поле
Майских жуков без опаски,
Бегай себе на раздолье,
А не по крыше пятиэтажки.
На вышине интересней
Горланить, бегая, песни.

Подняться пожарной лестницей
Само по себе приключенье
В мае – весенним месяцем,
Пацанам боевое крещение,

Жуков наловить коробку
На крыше не может робкий.

Восемь лет, этому – десять,
Двенадцать кому – заводилы,
Сидеть на краю, ноги свесив,
Пускать пузырьчики из мыла...
Наши родители пока на работе,
На крышу взобраться кто против?

Летит!

Мы шарики на праздник крепили на балконе,
Смотрели вдаль, за лесом, озером и речкой
Аэродром не видно, телки мычат в загоне...
Иль нет, другие звуки: глухие, ближе, резче.

Вон, вон летит, смотрите! Так это ж самолет!
Для нас, детей, диковина, и редкое событие,
С весны до снега первого АН-2 к нам завернет
Десятка два, не больше. Садится он, смотрите!

Чего смотреть с балкона, бежать на поле надо.
И мы гуськом вприпрыжку по лестнице наружу
И вдоль домов до леса, и мимо стройки, склада,
Через ручей по доскам, а где и прям по лужам.

Успели!.. АН-2, взревев мотором дымно, и затих.
Бегут встречать от вышки трое в лётной форме,
А летчики у двери открытой, ждут терпеливо их.
Как полёт? Нормально. Как настроенье? В норме.

Нас человек пятнадцать, мальчишек и девчонок,
Стоим, глазеем, машем у бровки, почти рядом.
В мешках сгружают почту и грузов разных тонну.
Нам любопытно очень, смотреть мы очень рады.

Звено найти

Молоко парное с пенкой пахнет травами лугов,
Тетя Паша через марлю цедит в кринки из ведра,
Напоследок кружки наши наполняет до краёв,
Нарезает хлеб горячий: «Ешьте, пейте, детвора!»

Мне, кажись, пошел в ту пору год, наверное, шестой,
До того, как папа помер, жил я жизнью городской,
А теперь живу в поселке, за каналом в засыпушке:
Огород большой, собака, кошки, боров и цыпушки.

С мамой пятеро: сестренка, двое братьев, ну и я,
Вокруг печки в помещенье уместилась вся семья.
Позже там разгородили на три комнатки и кухню,
Не замерзнем мы зимою: ни на час в печи не тухнет.

Память в шутку ли играет, перепутает страницы,
Толи вправду я ребенок, старику ли это снится...
В миг один осиротели, тетя Наташа, дядя Коля,
Завертелось, закружилось, мама плачет: горе, горе.

Теснота, у стенок нары, восемь малых ребятишек,
Мама утром и под вечер: Спите, детки, тише, тише.
Осень, холодно, одежду кой-какую раздобудешь,
И на улицу в тот час, на забор смотреть, как люди

Ходят-бродят по дороге: бабка старая с авоськой
Чуть бредет, ругая громко незадачливую Тоську;
А за ней мужик в фуфайке наклонится спотыкаясь;
За машиною вдогонку свора псов промчится с лаем.

А весну встречали позже на Степной у речки малой,
Щитовой нам домик дали, место тоже не хватало:
Комнатушки две и кухня; огород, сарай с сортиром;
Васька кот, собака Шарик, куры, их петух задира.

Вскоре после наводнения: паровоз, вагон, вокзалы;
Коми: Выгегда и Жешарт: что в поселке не хватало?..
Двухэтажный дом из бруса, место много, нам раздолье,
Мама утром на работу, трое в школу, в садик Толик.

Пару лет мы бедовали: сто с копейками зарплата,
Плюс пособие отцово, даже в нужном недостаток.
Всё, сказала мама, едем мы обратно в наш посёлок,
И опять вагон, вокзалы, интересный путь, но долог.

Молоко парное с пенкой пахнет травами лугов,
Тетя Паша через марлю цедит в кринки из ведра,
Напоследок кружки наши наполняет до краёв,
Хлеб ломтями нарезает: «Ешьте, пейте, детвора!»

Вот теперь звено, надеюсь, цепь единую сведет,
Мне тогда не шесть, выходит, а девятый стукнул год.
К тете Паше после школы прибегаю погостить,
И она меня так рада с дочкой вместе накормить.

Примерный ребенок

Не весело живу, серьезен я, с грустинкою печали,
С любовью ли родители приход мой в мир встречали,
Ошибка ли, сомненье, желанный им ребенок?
Я редко плакал, требуя, не докучал с пеленок,

Сухой и сыт и ладно, и на полдня в кроватке,
Ведь мама на работе, придет, целует сладко.
И рос я как-то тихо, сам по себе играю,
Не с шумною ватагой, а рядом с нею, с краю.

Сам мастерил игрушки, гулял я без присмотра,
А если заскучаю, шел к маме на работу.
Мать в школу не ходила на классные собрания,
А схлопочу я двойку, ругать за то не станет,

Мол, сам её исправишь, сынок, я доверяю,
Не огорчать, чтоб маму, во всю потом стараюсь.
А если не выходит решить пример, задачу,
Тайком переживаю, но все-таки не плачу.

Как трудно мне бывало к доске по зову выйти,
Урок пусть знаю твердо, впадал я там в забытье,
А с места мог ответить на сложные вопросы,
И на меня смотрела учительница косо,

Мол, видно, подсказали, иль подглядел в тетрадке.
Как в школе, спросит мама, отвечу, всё в порядке!..
И вот уже я взрослый, женился, разженился,
Работал на заводе, карьеры не добился,

И не старался даже, другие пусть стремятся,
А мне б с душой, супругой своею разобраться.
Веселью место мало, как рассуждал серьезно,
И шел по жизни тихо, с оглядкой, осторожно.

Примерный не примерный, но скучный, это точно,
Хотел быть справедливым, а оказался склочным.
Так мне жена сказала, не друг ты мне, а сволочь.
Освоил, видно, слабо я жизненную школу...

Персик

С авоськами шли с магазина
Я, мама и маленький брат.
«Попробуй-ка персика, сына» —
Подарку такому он рад.

И мякоть на землю бросает,
А косточку хочет разгрызть.
Слеза на глаза набегает
У мамы: «Сыночек, вернись.

Что бросил на землю, то – кушать,
А косточку выплюнь, не ешь ты».
Поднял, удивленный из лужи
Он персик румяный и свежий.

«Мы дома от грязи отмоем, —
Свернула бумажный кулек, —
Немалую денюжку стоит...
На яблочко скушай, сынок».

Не знал пятилетний мальчишка,
Что в персике мякоть едят...
Да, редкие сладости слишком
В детстве мы видели, брат!..

Злые игры

Бомбу сделать легче простого:
Карбиду в бутылку насыпать горсть,
Воды из лужи, затычку – готово!
Все в рассыпную – гранату брось!

Стройка рядом, карбиду навалом,
Бутылку пустую, найдешь всегда.
Была у нас в детстве такая забава,
Да, много она приносила вреда.

Храбрится пацан, не бросает сразу,
Бомба в руках – бах!.. и осколки
Вонзятся в живот, по рукам и по глазу...
Ругай не ругай пацанов, всё без толку.

Или порох в бумагу, поверх изолентой,
Спичек накрошишь и чирк коробком!..
Игры такие – опасные эксперименты,
Часто к травмам приводили потом.

Вот пугач, например, это трубка медная,
Сплюснуть конец молотком и согнуть.
Штучка опасная и очень вредная,
А пацанам развлечение девчонок пугнуть.

В то время такие забавы и игры детские
Считались за доблесть среди пацанов...
Забытые напрочь те годы советские,
И кличь пионеров: «Всегда будь готов!».

Подражание

Играли в домике
Из веток на поляне.
Она – жена,
Девчонка восемь лет,

А я ей муж – пацан.
«Домой явился пьяный,
Опять нажрался, гад! —
Кричит жена, – чуть свет.

Мой руки, покормлю» —
Ворчит и накрывает стол.
Так взрослым подражая,
Готовится игрой своей

Исполнить «женский» долг.
За пьянку пожурит,
А вечером прощает.
Вот мама куклу дочку,

Завернув в пелёнку,
Баюкает малышку
И песенку поёт
Всё нежным голоском,

И ласковым и тонким.
Она в своей игре
Воистину живет.
Зовет ложиться спать

На мягкую постель,
Целует в щечку,
Гладит по головке.
В игру так искренне

Вплетает
Картины быта канитель,
Ведь девочке жене
Нужна сноровка.

И мы, обнявшись,
Муж с женой,
Нам хорошо,
Приятно и тепло.

И нет стыда еще,
Что значит быть нагой,
Что значит в жизни
Настоящей зло.

Рыбалка

У дяди поплавков то и дело ныряет,
Рыбы натаскал с полведра, не меньше.
Червей то и дело скармливал зря я,
А в ведре одна только рыбка плещет.

Комаров вокруг тьма-тьмущая,
Пищат возле уха и больно жалят.
Толи у дяди была удочка лучше,
Толи черви крепче держались.

Клюёт!.. подсекай проворней,
И не дергай удочку, вот меня
Дядя учит и с досады стонет,
Не так нанизывать надо червя!..
Поплавков нырнет чуть в воду,
Подожди, а потом осторожно тяни.
Очень просто, видишь, Володя!..
Хитрость маленькую пойми...

Высоко уже солнце, трава росую парит.
У меня улов весь на дне рыбок с пяток,
Ельца с ведро шутя наловил старик...
Разменял я тогда лишь девятый годок.

Не худшая дорога

Я выбирал себе не худшие дороги,
Пусть худшими казались поначалу,
Но так как ими следовали многие,
И жизнь успех как будто обещала.

У нас в момент принятия решения,
Как правило, нет времени и знаний,
Случайны все как будто отношенья,
Но все-таки предвзяты мы заранее.

Она меня тогда подвергла уговорам
За то, что я её среди девушек приметил,
Вокруг любовь буянила в ту пору,
Гормонов страсть затягивала в сети.

Весь в робости, дойдя до перекрестка,
На первый шаг я уступал инициативу,
Я старше был, но выглядел подростком,
А ей хотелось просто быть счастливой.

Случайно ли мной выбраны дороги,
Или они меня затягивали далью,
Не чувствами ли руководствовались ноги,
Бежать вперед бездумно ли устали,

Но оглянувшись, вздрогнул, я на месте
В который раз, гуляющий по кругу,
Иду и не дойду и век к своей невесте,
Чем ближе, ветер давит в грудь упруго.

Невольно шел, где нет сопротивления,
Выискивал не худшую дорогу,
И в оправдание, меняя точку зренья,
Идущий прав хоть чуточку, ей богу!

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Игры детства

«Шишел-мышел, взял да вышел» —
Всем знакомая считалка.
Мне водить, ах, ёлки-палки!
Разбежались все как мыши.

Галка спряталась в сарае,
Толик спрятался в кустах.
Детство в памяти играет,
«Шишел-мышел» на устах.

Чижик-пыжик – вот забава!
Лунка, бита и брусок.
Ловкий сделаешь бросок,
За чижом бежит орава.

И с утра и дотемна
На дворе играют дети.
Помню я забавы эти
С детства – чудная страна!

«На златом крыльце сидели» —

Мишка строго счет ведет,
Нынче кто голить пойдет.
Было так ли в самом деле?

Детство в памяти играет,
Повторяет всё считалки,
Не вернуть то время, жалко.
На дворе играл вчера я?..

Девяти лет

Девятилетний я, масса
всплывает событий.
Я не гоню их, наоборот,
приглашаю, входите...

Сусликов в поле из норок
водой выгоняем наружу,
Друг другу ведро по цепочке —
воду таскаем из лужи.

Зачем нам зверек этот рыжий,
навряд ли кто может ответить.
Вначале забава, в жестокость
порой переходит, мы, дети,

Животных любя, к беззащитным
бываем порой беспощадны.
Зверьков этих мокрых с десятков
в ведре на костер ставим чадный.

И лапки свои обжигая,
суслики рвутся наружу,
И ошалев от потопа и жара,
по полю, безумные кружат.

Забава, жестокость? Всё вместе.
Взрослых провал в воспитанье.
Если б ребенку сказали толково,
Подобное делать не станет...

Всего лишь один эпизод,
из прошлого совести голос,
Многие в жизни проходят
эту суровую школу.

Какой, не стрелял в воробья
Камнями, пацан из рогатки?
Кто в детстве из нас не играл
в лапту, выжигало и прядки?

Какая девчонка секретки
не имела в земле у забора?
От рода девятилетним
мир сказкой казался в ту пору.

Сгущенка

По копейке – сорок восемь,
Как раз на банку сгущенки.
Мы с братом в ту самую осень
Пили молоко стружкой тонкой.

По троечку, по десятику у мамы тырил,
Да пустые бутылки, копеек по восемь,
В «стеклотару» сдал штуки четыре,
Всё подсчитал – ровно сорок восемь!

Пьем, блаженствуем, праздник что надо!
И к чему бы это, а ссора случилась:
Ты пьешь дольше!.. Нет – ты!.. И радость
Как вода молоком замутилась...

Вечером мама с работы приходит,
Я во двор, как нашкодивший кот...
Не ругаясь, сказала: Не надо, Володя,
Брать без спроса, не кради наперед...

Мы с другом

Хакасские степи лежат между гор.
Что там за рекою? – затеяли спор
Друзья, и решили устроить поход.
Идут и идут час за часом вперед.

Зеленой полоской их манит тайга.
Выбрана цель: не достигнем пока
Заветного леса, запалим костер...
И разрешится наш давешний спор

А лес и не думал расти в небеса —
Там саженцев кедра шумит полоса.
Вошли, а верхушки по пояс, плечо.
Они рассмеялись, им всё нипочем!

Но тайна открыта, достигнута цель.
Пичуги приветствие слышится трель.
Вернулись. Устали, довольны собой.
И снова уж спорят: А что за горой?..

Далекие горы, а там что найдем?..
«А завтра в разведку, Серега, пойдем?!»
И снова в поход устремились друзья,
И этот с успехом предел ими взят.

С горы и на гору трудно, а все же идут,
Нелегкий романтики юности труд!..
Уж вечер, а горы не знают конца...
Там дальше темнеют как тайна леса.

«Сергея, пора возвращаться домой,
С утра мы протопали, сколько с тобой».
Назад путь тяжелый, был легче вперед...
Я помню походный счастливый тот год.

Окрестности все мы излазили с другом,
На север, на запад, ходили и к югу.
Судьба развела меня с ним навсегда,
В разных живем мы теперь городах.

Недостойн

Позоришь класс! Как так? Не комсомолец.
Таких, как я, штук двадцать в нашей школе.
Не уж-то я один «позорю» этим класс,
Есть двоечники, знаешь ведь, у нас.

Без возражения пиши-ка заявленье,
Бюро рассмотрит, я похлопочу.
Я недостойн. Как? Имею кол по пенью.
Какое пенье?.. Да, ладно, я шучу.

Я не созрел еще, какой я комсомолец,
«Позорю класс» – меня ты припечатал.
Туда достойные идут по доброй воле,
А мне вступать пока что рановато.

Но почему ж? Я троечник, ты знаешь,
И двойку схлопотал за сочиненье.
А в комсомол как вступишь, так исправишь.
Исправлю, нет, имеет ли значенье?

Ах, так!.. Живи пока что до собрания.
Комсорг, к чему угрозы, не пойму,
Займись другими, а я, что крайний?
Шмыгнув во двор, рукой махнул ему.

Каникулы

В такие дни, в каникулы, ни часа
Остаться дома просто невозможно.
Подростки пацаны после шестого класса
На речку шли, в поля, и шкодили безбожно.

Кто умыкнет капроновых игрушек,
Кто раздобудет пороха пакетик,
Есть чем теперь порадовать нам душу,
Каникулы запомнятся нам эти!..

Часа в четыре утра на протоку,
Елец и хариус клюют пока на «мушку»,
Через поля идти и вовсе недалеко,
В бутылке чай; лук, соль, горбушка.

В такие дни, как нынче жарит лето,
Сидеть под крышей дома невозможно!
Трусы, сандалии, шляпа из газеты,
«Войну» в траве устроим придорожной.

Кусок фанеры в щит, штакетник в меч
Преобразит в тот час воображенье,
Всё в щепки искрошим, чего беречь,
Когда в разгаре жуткое сраженье!

Царапины, занозы, синяки —
Лишь распалят раненья боевые...
Каникулы!.. Как дни те далеки,
«Убитые» лежим в траве живые...

Весенние хлопоты

От школы после уроков
По улице Ленина прямо
Домой добежать недалеко,
Где меня дожидается мама.

Ранец, потрепанный сброшу,
И хлеба отрежу кусок,
Сахару горкой хорошей
Насыплю и... за порог.

Мама вдогонку: Покушай!
На печке горячие щи...
Я шапку надвинул на уши,
Во двор и пропал, не ищи.

С ребятами мы сговорились
Рыбу глушить колотушкой.
Что, даром у речки мы жили?
С неё нас не выгонишь пушкой.

Лед как стекло, где прозрачен
До самого дна, там, где окунь,
Бьёшь во всю мощь наудачу,
Звук дробится эхом далеким.

Как вскрылась весной протока,
И пока мутные воды гонимы,
Мы можем сбежать и с уроков,
Ловить закидушкой налимов.

Закинем на бревнах и бонах
Под вечер десяток удилиц,
И ночь у костра полусонно,
Но и весело мы проводили...

Налим попадетса здоровый,
Как выгацишь, сразу за жабры,
Заточкой к бревну и – готово,
Он скользкий, не вырвался дабы.

А позже, когда потеплеет,
На улице после уроков,
То в городки мы затеем,
То идем за березовым соком.

Без дела хоть день мы скучали,
Такого и в жизнь не бывало!..
Скоро каникулы, нет и печали,
Нам месяц учиться осталось.

Знакомиться

По Стадионной несколько дворов,
Налево Ленина ведет до школы самой.
По Северной прогнал пастух коров,
И молоко парное в банки цедит мама.

Вставай, пора, я слышу мамин голос —
Нет лучшего будильника на свете!..
Позавтракав, бегу пораньше в школу,
Чтоб со Степной девчонку встретить.

Её однажды дернул за косичку,
Знакомиться, а вовсе не обидеть,
Обороти своё ко мне, мол, личико,
Улыбку, а не злость хочу увидеть.

Дурак какой, мне больно, понимаешь?..
Да я Отстань, а то портфелем тресну!
Дай понесу. Ну, нет, поди, сама я,
Все хулиганы мальчики – известно.

И получив пальтишко в гардеробе,
Она с подружкой шепчется чего-то,
И на меня, смеясь, поглядывают обе,
Мне провожать её сегодня не охота.

С Валерой мы отправимся за дамбу,
Испытывая прочность наших тачек,
Из дома улизнуть вот только нам бы,
А не решать мучительных задачек.

Идем мы с ним, хоть нам не по дороге,
Октябрьской, а дальше – Пионерской.
А у тебя, Валер, родители-то строгие,
Уж лучше к нам – запремся в детской.

Что мне влетит за кроликов, боюсь,
Кормить, поить – обязанность такая.
А Сашка, брат твой, кормит пусть,
Его гулять, сколь хочет, отпускают.

Ну, да, меня он старше на три года,
И учится не так, как я на тройки,
За шалость не наказывали сроду,
Он видный парень в Новостройке.

До завтра, Вов!.. Пока, Валера!..
Простились мы на перекрестке,
Ему – направо, мне – налево...
Так разошлись навек подростки.

Улицы детства

Вот здесь я в чижики играл
С окрестною ватагой,
И в небо змея запускал
Из реек, обтянутых бумагой,
А здесь играли в чехарду,
Чуть не ломая шеи.

По этим улицам пройду
Назад полвека, где я
Девятилетним пацаном
В сугроб нырял с забора,
В саду с Валеркой под окном
Поспорили до ссоры.

А эта улочка в канал
Приводит через дамбу,
Я на плоту как адмирал,
Тараню Витьку.... Амба!
Трещат плоты: На абордаж!
В воде мы с Витькой оба.

А флот уплыл из досок наш,
Не выдержали скобы.
А эту лавочку я сам
Пилил, строгал, мастрячил,

И приглашал под вечер дам,
Как рыцарь настоящий.

Татьяна, Олечка, Валёк
Мои навек подружки,
От этих дней тот день далёк,
Они в годах, старушки.

И здесь, и там я подмечал,
Для всех чужой прохожий,
Что край мой милый всех начал
На этот не похожий.

Канал

Бельтырка речка сквозь поселок
Текла в болотах заводях, кустах.
Гусей на берегу, пасущих телок
С теплом увидишь, зимняя пуста.

Мостки, как продолжение улиц,
Из досок в нужном месте есть...
Однажды поутру проснулись,
И ужаснулись – море здесь!

Разлив реки, и паводок обильный
Ближайшие дворы сейчас зальёт.
Спасают люди скарб, детей, скотину...
Я накрепко запомнил этот год.

Мы на чердак, а ты до тетки, сына,
Вернешься после, как вода сойдет,
Вскричала мать. Бегу по улице так сильно
От страха, что волной подхватит, унесет.

Но это наводнение кажется пустяк —
Других масштабов видел разрушенья,
Когда вода обрушится, как враг,
Что на пути, подхвачено теченьем.

Как високосный год, так произвол стихии:
Потопит скот, и урожай в полях погубит.
Сибирь, тайга, снега, ... Россия!
Страдать доколе будут люди?

Канал решили выкопать глубокий,
Так, мол, спасем поселок от воды.
Нагнали технику, и объявили сроки,
За пару лет трудов пожнем плоды.

Наш дом стоял у насыпи вплотную,
Под окна гравий сыплют, в палисад.
Теперь ни небом из окна любуясь —
Камней поток по стенке град.

Зимой, как перейти канал?
По скользким склонам невозможно,
Пыхтит, ругается и стар, и мал:
Нет подвесных поблизости дорожек.

В двух километрах мост, за ним другой,
Петлю крутить не каждому по духу,
И всякий раз через канал, как в бой
Идет там взрослый, дед или старуха.

А детворе на радость жарким летом
Идти в канал рыбачить и купаться.
Там я, пацан, слетев с плота одетый,
Чуть не утоп, спасли, но нахлебаться

Воды успел от страха и стыда,
Ведь я, умея плавать по-собачьи,
Мог сам до берега добраться без труда,
И от обиды, что спасли, я чуть не плачу.

В канал и брат, с гулянки возвращаясь,
Скатился пьяный вниз и... захрапел.
Под осень, холодно, нашли его случайно,
Простуженный, всю зиму проболел.

А через год дают и нам квартиру,
(Избу, где жили, брали напрокат),
На Стадионную сменили мы Мира,
Устроились, и жизнь пошла на лад.

Никто не помнит имени той речки,
В каком году построили канал,
Когда случится, может с ним осечка,
Сам Бог, и тот, наверное, не знал.

Вода пришла, был високосный год,
Вода в реке заметно заревела.
Канал спасет, уверен был народ,
Туда-сюда гуляющий без дела.

За сутки и поля, и лес ушел под воду,
Канал наполнился почти что до краев.
Еще такой воды не видели мы сроду,

Пастух к горам спасать погнался коров.

Вдоль полотна железнодорожного заторы
Из бревен, с бирж прибило их теченьем,
И мост накренился, сорвется уже скоро,
В тревоге взрослые, а детям развлеченье.

И видел я, как с насыпи ручьями
Сначала нехотя вода стекала вниз,
Песок размыв, и мелкий гравий, камень,
И... прорвало! И мат, и рев, визг!..

Вода, кричу я, мама, на подходе,
Что делать, лезть на крышу ли бежать?
Садись в машину с Толиком, Володя,
Езжайте в клуб одни, решила мать.

Как уносил поток заборы, стайки всюду,
Как с мест сдвигал он запросто дома,
И крики, вертолетов, рев моторок не забуду,
Как только люди не сошли от этого с ума.

За сутки, полпоселка уничтожив,
Поток воды ослаб и обмелел.
Спуститься вниз на улицу мы можем,
Не ждать, брести по пояс кто хотел.

Вокруг разруха, доски, мусор, вещи,
И кое-где поют как прежде петухи,

Еще и лодки те, ночные встретишь,
И подвезут, коль будет по пути.

А что канал? Его как не бывало,
Размыт он с самого начала до конца.
Бельтырка речка снова зажурчала,
То там, то здесь наполнив озера.

Пошутила

Подходит девушка . . . , девчонка,
Как рассмотрел её вблизи.
Спросить хочу, уйдем в сторонку.
Могу – чем от неё-то так разит?

Твой брат. Который? Юра, пишет?
Ну, да, а что?.. Дай адресок.
Мам, тут Юру спрашивают. Тише!
Конверт ты вынести бы мог?

Сейчас схожу, жди здесь на лавке.
Я жду. Прошу, ни слова дома.
Цыц, Джанка, сволочь, хватит гавкать!
А как зовут тебя-то? Тома...

Я – Вова. Знаю, через брата.
А-а, ну, всё, пока. Постой немного.
Пред Юрой я не виновата,
По-пустяку повздорили, ей богу.

А мне-то что до ссоры вашей,
Он старший брат, ему видней.
Он в Казахстане поле пашет,
Писал, пасет коров, коней...

Механизатор. Вот об этом
Хочу с тобой поговорить.
Поговоришь, приедет летом,
Но через год. Давай дружить!..

Как это можно, что ты, Тома!
К аптеке вечера придешь?..
Зачем? Чудак. Скажу я по-другому:
Дружить как мальчик с девочкой. Хорош!..

Я предавать не стану брата,
Как можно, ты ж ему невеста!
Вот глупый, ты нас и сосватал.
Хочу с тобой быть, Юры вместо.

Дошло? В её лицо я бросил взгляд:
Глаза и губы выкрашены сочно;
Она одета в вызывающий наряд,
И запах, фу, с похмелья точно.

Договорились, да? Чего молчишь.
Пожал плечами, что тут скажешь.
Ты мне понравился, малыш,
А хочешь, поцелую тебя даже.

«Малыш» удалило как кнут,
На пацана кидался б с кулаками,
А драться с кем, девчонка только тут,
Лишь пнул лежащий рядом камень.

Она смеется – шутка удалась,
И вдоль по улице неспешно удалилась.
В уме само родилось слово «мразь»,
А брату хороша, скажи на милость.

Корочки вкус

Вова, за хлебом сходи после школы.
Булочку белого, пару ржаного;
Сахар, муки, килограмм вермишели.
Булочки, что я пекла, уже съели,

Оладьи сготовлю на простокваше,
Крынку вчера принесла тётя Паша.
Ладно, схожу, если вдруг не забуду.
К бане в субботу зайдет тётя Люда.

Всё, мам, побегу я, а то опоздаю,
Училка на русском у нас очень злая,
Влепит мне кол, я боюсь, ни за что.
В валенки ноги, на плечи пальто,

Шапку и ранец схватил, за порог,
И по морозцу бегу со всех ног
По Стадионной на Ленина в школу,
Не замечая ни ветра, ни холод.

Только что хлеб привезли, он горячий,
Пахнет, в авоську я булку не прячу,
Рву тут же зубами хрустящую корку,
Вкусно, и радостно как от пятерки,

Треть булки умял по дороге домой,
Как, не заметил, влетит, боже мой!
Если ножом, где щипал, подравнять,
Может, Толик отрезал, подумает мать.

Вова, купил, что просила? Угу...
Я вкус той горбушки забыть не могу.

Расстояние

Идти до школы надоест
От крайней улицы до клуба,
Через канал наперерез
Три километра будет грубо.

А по дорогам выйдет пять,
До магазина, через мост.
На час пораньше надо встать,
А запоздал, беги уж кросс.

Так года три я бегал в школу,
Пока жильё не дали ближе.
Ногам легко, когда ты молод,
Пацан школяр, вперед беги же!

Два раза дальше комбинат,
За переездом к Абакану...
Мы там шалили, помнишь брат?
Не раз гоняла нас охрана.

А горы тянут, как магнитом;
Курган в степи, лесок с болотом
Минуешь если, встанут плиты
Стеной, на неба влезть охота!

Поля, поселок, комбинат
И синей змейкой Абакан;
Стоишь на круче, горд и рад,
Ты выше всех, ты – великан!

Ногами мерить расстоянья
С годами стало так привычно,
Жизнь есть движенье состоянья,
Идешь пока, ну и отлично!..

Школьные годы

С.А. учитель русского, литературы,
Она мне запомнилась злой и строгой,
Завуч – заметная в школе фигура,
Мы робели пред ней, ей богу.

Она никому не ставила двойки,
В дневнике единица, в журнале четверка,
Как ни ответь на задание бойко,
Кол да четыре, практична увертка.

Линейкой длинной дисциплину
Она держала в классе на уроках,
Записку кто из нас ли кинул,
Того линейкой бьет по боку.

К доске, иль вон из класса, Веденеев!
На место сядь сейчас же, Тазарачев!
И класс притихнет, будто леденеет,
И сгорбившись, глаза в тетрадки прячет.

С.А. уж в гневе: Полные дебилы!
Моя бы власть, отчислила б лентяев.
И бьет линейкой хлестко со всей силы,
Что в шоке мы, она не замечает.

Усталость ли, расшатанные нервы,
Иль ей не повезло с учениками,
Словесница богатая на перлы;
Брильянт, шлифованный лишь камень.

Увы, я вспомнил это, многие другое,
Покинув школьные пенаты, вспоминают,
Зачем чернить для сердца дорогое,
Учительница матерью становится иная.

Обиды нет, любовь и благодарность
Храню я в сердце к нашим педагогам,
С годами в рост идет комплиментарность,
Но и другое помниться, ей богу!

Учитель

Безупречная репутация,
Сотни, сотни учеников,
А под старость радость горечи,
В сердце чувство соломенных вдов.

Со слезой на глазах альбомы
Смотрит долго до поздней ночи,
Льётся незамужней матери счастье
На родных не по крови сынов и дочек.

Всё плохое безлико забылось,
Радость встреч-расставаний горячая,
Ты учитель, как добрая фея,
Не сложилась судьба бы иначе.

Безупречная репутация
Сохранялись тобою публично,
А под вечер, листая тетрадки,
Домогались мечты неэтичные.

Быть учителем, словно звездою,
В утомляющих просьб, обращеньях,
Проходилось следить за собою,
Недовольство гасить и смущенье.

Сорок лет пролетели скоро,
Сорок лет как урок бесконечный,
Но в душе остаешься девчонкой,
С добротой и любовью сердечной.

Книги не те.

Не те ты выбрал книги, мальчик.
Возьми «Мурзилку» или сказки,
Они вон там, на полке, дальше,
Где «Пионер», лежат раскраски.

А эти книги, что ты выбрал,
Лишь для учителя, не выдам.
Что, не годится «Буратино»?!..
Прошу читальный зал покинуть!..

С тех пор сюда я ни ногой,
Не те опять возьму я книжки,
Читальный зал найду другой,
Где придираются не слишком.

В поселке есть библиотеки,
Помимо школьной, запишусь,
Книг разных сотни в картотеке,
Ходить не близко, ну и пусть!

Я брал по три-четыре тома,
Смотрел, читал под вечер дома,
Но срок, когда вернуть, короткий,
Я относил назад их четко,

Лишь дочитав до половины,
Когда роман довольно длинный,
Не прочитать за две недели,
И то ворчит уж мама: «Сына!

Опять читал всю ночь в постели.
Глаза испортишь, так нельзя,
Поди, не помнят уж друзья,
Гулять не выгонишь из дома»
А я прочел всего полтома,

Негромко текст, под нос шепча,
Читаю вдумчиво неспешно,
Часы на столике стучат...
Я засижусь опять, конечно.

На вершине ветер

Степью в горы спозаранку
Крутим великов педали
Я, Серега Рыжий, Джанка
Трусит рядом: пса не звали.

Меж курганов есть дорожка,
Мостик шаткий над ручьем,
Отдохнем втроем немножко,
В брод разлив пересечем.

Подобрались плотно к кручам,
Прячем технику в канаву,
Пешком дальше идти лучше
По ущелью вверх направо.

Серый, видишь, вон крыжовник
Между плит висит над кручей?
Напрямки лезть стенкой ровной,
Вкруг пойдем тропинкой лучше.

На вершине сильный ветер,
Рвет рубашки вихрем, волос,
Враз сметет и не заметишь,
Хоть кричи, чуть слышен голос.

Смотрим вокруг вот так с Серегой,
Слева степь, а с права горы,
Хорошо нам здесь, ей богу,
Вниз назад вернемся скоро.

В такую погоду

В такую погоду, после дождя
Бежать на рыбалку мне хочется
К любимому месту с обрывом,
Где тальниковая рощица.

Если с зарёю закинуть крючок
С наживкой, «на кузнеца»,
Бывает, и хариус клюнет,
Поймаешь уж точно ельца.

А на червя дождевого с охотой
Клюёт и пескарь и плотва,
Так окунь идет на «малявку»,
Подсечь успеваешь едва.

Если заранее рыб прикормить,
Годятся и хлебные корки.
Если «корчагу» поставить на ночь,
Поймать можно рыбы ведерко.

В такую погоду, после дождя
Воздух, пропитанный детством,
Запахом память в тот час оживит,
Куда от бывшего тут деться.

Вытрясла мама с крыльца половики,
Пьют воду из лужицы куры,
Кот на охоту шмыгнул в огород,
Собака на цепи излаяла сдуру.

Влез на чердак покормить голубей,
Там полумрак и прохлада...
В такую погоду, после дождя
Вспоминать своё детство отрада

Кросно

Кросно на кухне в ту зиму стояли,
На нитке соткать из полосок дорожки,
Уступила станок до весны тетя Валя,
Самой отдохнуть захотелось немножко.

Из дерева всё, на клею, без гвоздей,
Ребра из бруса, три рамки, педали,
Работает как, не поймешь, не глазами,
Кросно на кухне в ту зиму стояли.

Всё, что изношено, драла в полоску
Мама, сшивала, мотала в клубок,
Чтоб на дорожках рисунок был броский,
За черным и белым цветастого впрок.

По ткани стук рамки и за полночь слышен,
По ниткам с присвистом скользит бегунок,
И под полом драк не затеют уж мыши —
Всю зиму работает ткацкий станок.

Подсолнух и лодка

Юрка Юрченко мне одногодок,
Может старше всего на полгода,
Из семьи белорусов, из местных,
Как попал в этот край, не известно,

Переехали сами ли предки
Новострой возводить пятилетки,
Или сосланы, кто его знает,
Жили разные нации в крае:

Немцы, чехи, конечно евреи.
Ничего против них не имею.
С Юркой мы до того не дружили,
Хоть и рядом по улице жили,

Но в тот год почему-то сошлись:
С ним «хорька» загонять зашибись,
Он уверенный, смелый и дерзкий;
Знал и речку, и степь, перелески.

Как-то лодку нашли на протоке,
Вся в песке и корягах, в осоке,
После паводка, видно, прибило,
Течь в борту, ну а в целом не сгнила.

Лето плавали в тайне рыбачить,
Изменила под осень удача:
Лодку кто-то у нас умыкнул.
Был улус ли хакасский, аул

В двух верстах по течению выше,
Мы не раз с лодки видели крыши
Примитивных хакасских строений,
Молодежной вражды настроенья

Каждый раз без причин возникали.
Мы нашли, а хакасы украли
Лодку нашу, не нашу конечно,
Ну и ладно, решили беспечно.

В огородах подсолнухи зреют,
Нужно срезать в ночи поскорее,
До того, как хозяева срежут.
С Юркой ходим на речку всё реже,

А под вечер в чужой огород,
Перепрыгнув с разбега заплот.
Ни собаки, ни страх, ни крапива
Не удержат шального порыва.

Дружба наша сошла к сентябрю,
С Юркой Юрченко, я говорю,
Мы сошлись, может быть, и случайно,
Он мне нравился дерзкий, отчаянный,

Пусть жил рядом и мой одноклассник,
А дружили мы с ним лишь полгода.
Вскоре жизнь развела навсегда,
Харьковать, помню, Вовка, айда!

Юрка Юрченко, где ты теперь?..
Сколько будет подобных потерь.

Первые стихи

В авоське учебники переплелись,
Углами в ячейках топорщатся...
От волнения губы до боли бы сгрызть,
Как похвалы и поддержки хочется!..

Со стихами робко тетрадь подаю,
Мол, скажите, пожалуйста, слово учителя...
Душа и сердце в восторге поют,
Открылите надеждой поэта-любителя!

«Завтра я жду тебя вечером, можешь?..»
Небрежно тетрадку бросает на стол,
Там, где другие стопками... Боже!..
Влепит мне двойку, с ошибками, мол.

Так и случилось: «Прочла я страницу,
А дальше читать не хватило мне сил.
Так откровенно писать не годится...
Ты русский язык очень плохо учил».

Спасибо! – и стыд опалает мне щеки,
Тетрадку я рву на клочки беспощадно.
Помнится год переломный далекий
Всю жизнь, но учителю я благодарный.

Были на виниле

«Исеть» хоть старенький, надежный,
Отца он помнит, рук его касанье,
Как выходной лишь день настанет,

С утра концерты слышать можно.
Пластинки в праздничных конвертах,
И в скромных, простеньких стояли
В ячейках узких, длинных в зале,

С эстрадой модной, музыкой балета.
Бывало, откроешь крышку радиолы,
Пластинку бережно накинешь на штырек,
С иглой головку ставишь и делаешь урок

Под классику, под исполненья соло.
«Аквариум», Эдит Пиаф иль «Браво»,
Что попадет под руку, в настроенье,
Марей Матье, Визбор, Дин Рида пенье,

Иль Челентано, АВВА, Окуджава.
А лучше слушать музыку с друзьями,
Роллинг Стоунз, Битлз и Армстронг,
Гремят колонки с двух сторон...
Былую музыку в себя впитала память.

Щепкой

А что печалиться и плакать?
Сглупил, вы скажете. Согласен.
Да, скромн был, не забияка,
Но не последним в нашем классе.

Среди девчонок на «камчатке»
За спины спрятался в углу,
Меня не видно, всё в порядке,
Готов ли, нет ли, ни гу-гу.

Скорее школу бы закончить,
А там как выйдет, всё равно,
Пишу стихи я тайно ночью,
Но быть поэтом не дано.

В родном поселке все знакомо:
И клуб, и речка, комбинат,
Но далеко гулять от дома
Я не рискну – боюсь ребят

Тех, кто живет в другом краю,
Кого я толком и не знаю,
Ватагой встретят и побьют,
Как в позапрошлом было мае.

На Стадионной всем я свой,
И чужаки туда не ходят,
Хоть за полночь уду домой,
Как на дворе своем я в роде.

Так вот, тянул последний класс,
Как гуж привычный и тяжелый,
День-два прогуливал не раз,
Но знал, что надо кончить школу,

И мамку чтоб не огорчать.
С сестрою брат как восьмилетку
Прошли, учебу сбросили с плеча.
Хоть ты тyani уж школу, детка,

Просила мать, и выйдешь в люди,
Как кончишь вуз, я буду рада.
А так ли, правильно ли судит,
Мне невдомек, учусь, коль надо.

Быть честным если до предела,
Тянулся к знаниям я как к свету,
Но вот беда, что неумелый,
Писать стихи – не быть поэтом.

Какой там вуз, башка пустая,
Учу, зубрю, а мало проку,
Надежда-вера быстро таят,
Как не готов опять к уроку.

Ни теоремы, ни законы,
Ни языка правописание,
Всем этим неотягощенный,
Навряд ли выдержу экзамен.

И что печалиться и плакать,
Плыву я щепкой по течению,
Не избежать, коль будет драка,
Начищу морду без зазрения.

Без романтики красок

Линейка с последним звонком отзвучала,
Классом фотограф отснял на ступеньках,
Мы шумной ватагой шагаем к причалу,
Веселья – навалом, и грусти – маленько.

Какой там причал – пару лодок и бревна,
От костра в шаге ночь обступает густая,
Теченья реки в волнах искрится ровно,
И луна в облаках среди звезд угасает.

Говорили о разном, о школе, забылось,
Что-то глупо-наивное в шутку серьезно,
По-другому и сердце как будто забилось,
Жар нахлынет и скатится в ноги морозно.

И ни грамма вина от того, что заранее
Пугали приказом нас? Нет, протестуя,
Двое-трое парней выпивали за зданьем.
Без романтики красок те дни повествую.

Классная помнится сдержанно скромной,
Была среди нас ли в ту ночь расставанья?..
У каждого память, к чему имел склонность,
Не о том и не так он рассказывать станет.

Восторженный, коль у тебя темперамент,
Опишешь пустяк, как роман приключений;
Другой же по скромности хвастать не станет,
И не придаст эпизодам бывалым значенья.

Ни то и не сё был в то время характер,
Ни радость, ни грусть не проявит в тот час,
И сдержан порой, недоверчив в контакте,
Но вдруг откровенно сболтнет сгоряча.

Чувствительно чувственный, все подмечая,
Копил впечатлений я мелочи впрок,
Потом через годы бы, с кем не встречаясь,
Пустячности эти напомнить бы смог?..

Под утро усталые мы, отчужденно,
Каждый своё видел в будущих днях,
Кто взвинчено нервный, а кто уже сонный,
Страх жизни другой не коснулся меня.

Что будет, то будет, поеду я в город,
Так надо, мне мама твердила, сынок,
А не поступишь, так в армию скоро.
Тогда на своем настоять я не мог.

Учиться мне снова не очень хотелось,
Год школы последний вытягивал груз,
Но оставаться всю жизнь неумелым,
Не по душе – поступлю-ка я в вуз.

Город отца

Один я в Городе, семнадцать
Мне лет исполнилось недавно,
Куда пойти, к кому податься,
Где денег взять, вот это главное.

Вода и хлеб – мои обеды,
Я у соседей тырю сахар,
Засну во вторник, встану в среду,
Ни сил, ни воли и ни страха.

Майор пропал в командировке,
Не помню, месяц или два,
Дождись меня, сказал он, Вовка.
Помру, дождусь ли я едва.

Зачем увез меня из дома,
Чтоб бросить в Городе чужом?
Да, он чужой, но мне знакомый:
Отец мой жил когда-то в нем.

Но три сестры его и мама,
Как прежде в Городе живут.
Я к ним ходил..., ах, мелодрама!
Родня – помогут и спасут!?

Ты кто такой? Зачем приехал?
У нас своих забот полно...
К столу не звали, вот потеха!..
Тогда мне стало всё равно.

Сестра мне, сродная, десятку
Дала. Спасибо! Буду жить.
Как не пропал тогда, загадка,
Помог ли Бог?.. Кого винить?

Пек хлеб я месяц на заводе,
Я сыт, в тепле, среди людей,
Чужие родственники вроде,
Родных чужие мне родней.

Домой, домой скорее, к маме,
Я подгоняю в мыслях поезд,
Стучат колеса под ногами:
Прости ты их, винить не стоит!

Пищей духовной

Пусть скудный завтрак, и копейки
Бренчат в кармане лишь на хлеб,
В читальный зал да поскорей-ка,
Весь день читать романы мне б.

Один я в городе, забытый,
Мой капитан сбежал, поди,
Среди своих в казарме, сытый,
Вина и стыд не бередит.

И слово прапорщик не скажет,
Не спросит: Как живешь, пацан?
Что воровство, не видит даже —
Отсыплю ль сахара в стакан,

Иль стырю хлеба с голодухи,
Стащу котлету иль батон;
Днем умирающей старухе
Помочь хоть чем, не просит он.

Я для него не существую,
Хотя сосед – не приведенье,
Не видит он, как я бедую,
Уехать к матери нет денег.

Чужой я им, и это верно,
Не пропаду, пусть я один,
Зато читаю я Жюль Верна,
И увлекает сказкой Грин.

Поддался как на уговоры,
Себе ответить не сумею,
Хоть возражал, собрался скоро
На юг, на море, он затеял

Меня в ту зиму соблазнить.
Пацан, семнадцать, как ребенок,
Чего теперь уж говорить,
Что капитан, видать, подонок!

Но все же море повидал,
Пицунду, Гагры, Сочи, Рицу,
И речки, озеро меж скал...
Сам виноват, как говорится.

Уж после стал ему я в тягость,
Как деньги кончились, и отпуск,
Не знал, что делать он, бродяга,
Кто я ему – не брат, не отпрыск.

И смылся в раз в командировку,
А я бедую в комнатухе,
Спрошу себя: Что делать, Вовка?
Без денег вор и побирушка.

Спасет ли Лондон, Твен и Купер,
Когда урчит живот пустой,
А у соседа мясо в супе,
Меня же кормит дух святой!..

Письмо пришло

Я тебя отправила, сынок,
Летом с теткой-то на Север,
В Сочи оказаться, как ты мог,
С кем уехал туда, невесть?

Как увидела я фотку:
Ты в плаще стоишь у пальмы,
Меж чужими посередке,
Так отшибло мою память.

А потом письмо другое
От тебя, с Новосибирска,
Нет ни день, ни ночь покоя,
Далеко ли ты, ли близко,

Не пойму никак, сыночек.
Тетке шлю я телеграмму:
Сын, сказать мне, где, не хочешь?
«Жди, вернусь я скоро мама» —

Не она, а ты ответил,
Будто я к тебе писала.
В гроб загоните вы, дети,
До меня вам дело мало.

Галя с Геной снова в ссоре,
От неё удрал втихушку,
С сыном их, Серегой, горе,
Выбил глаз вчера у клушки.

Кто-то дал ему рогатку,
Сделал сам, не верю очень,
Семь ведь лет, мальчишка гадкий,
В первый класс пойдет под осень.

А когда приедешь, Вова,
Летом, ровно через год?
Рада я, ты жив, здоровый,
Мне ответь – письмо придет.

Понарошку

Кто, кроме матери, на службу
Меня проводит из девчонок,
С какой всерьез имею дружбу,
Целован страстно, ей ученый?..

Мне Нина нравится со школы,
А вот я ей, видать, не очень.
Вдоль трассы тянется поселок,
Не тысяча, две живет, а восемь.

Найти хорошую подружку
Не так-то просто среди многих,
Одна пустая хохотушка,
А у другой кривые ноги.

А сам – какой я ухажер,
Как с Ниной встречусь, оробею,
Она зовет меня во двор,
Ни жив, ни мертв иду за нею.

Дружок есть, знаю, у неё,
Лагутин Саша, одноклассник,
Зову не в жены, ё-моё,
А лишь на проводы, на праздник!

Ты уступи мне Нина, ладно,
Побудь подругой понарошку,
Служить идти не так досадно,
Когда есть что приврать немножко.

Семь за столом сидят по кругу:
Мать, квартирант, соседи, Рыжий —
Товарищ мой, и я с подругой...
Вчера как будто, ясно вижу.

Да, с той поры прошло два года,
Еще чуть-чуть служить осталось,
Письма не ждал от Нины сроду,
Она и ждать не обещала.

Но я ей все же благодарен:
Считала мать её невестой,
Скромна она, и взгляд, мол, карий,
К душе пришились и были к месту.

И этот розыгрыш невинный
Я в письмах к матери не смог
Разоблачить, чернить картину,
А вдруг дождется, знает Бог...

Охота рыбачить

Ложись пораньше, на охоту
К шести подъем, и мы моторкой
На острова, где дичь без счета...
Я согласился ехать с Борькой

Бить утку северную, в осень
Летит кормиться на озера,
По холодку приплыли в восемь,
Лесною тропкою с задором

Идем мы с Борькой к озерцам...
Бабах-бах!.. И утки на крыло:
Не повезло, Володька, нам,
Опередили, черти, как назло!..

Все стайки уток без задержки
Крича, летят высоко с перепуга,
Идем теперь без прежней спешки,
Труним с досады друг над другом.

Бродили день, измаялись до жути,
А птицы нет в ближайших водоёмах,
От голода и гнуса просто мутит:
Нас засмеют, Володька, дома!..

Добыча за день: селезень подранок;
Петлей за шею к поясу подвесив,
Вскричал Борис: а я рыбачить стану! —
И бах дуплетом в щучье месиво.

В протоке тушки всплыли брюхом
Десятка два, по локоть ростом,
Кто выдержит такую оплеуху?..
Охотиться трудней, рыбачить просто!

Семнадцать

Себя не помню я в семнадцать,
Как славно в двадцать, позабыл
Робеть, краснея, сомневаться.
Стыжусь, что юность загубил.

Кто с фото смотрит неизменный,
Себя бы надо в нем признать.
Наивный, милый, откровенный,
Как и в семнадцать, в двадцать пять.

Студент, и муж, отец, и даже,
Я слышу, память говорит,
Мол, совершил я будто кражу
У юной девственной зари.

Остался пленник я бывшего,
Десятки лет не разлучат,
И фото старое, и слово
В семнадцать лет вернут назад.

Семнадцать лет

Вчера с последнего звонка
В волненьях впечатлений
Улыбкой грустной пригубил:
Свободный я – не пленник.
Семнадцать лет, о да, подросток.
Что впереди? – возник вопрос,
Мне будущее – тенью...

Семнадцать лет моих, привет!
В десятом «б» – семнадцать:
Девчонок пять, и пацаны —
Их дюжина, двенадцать...
Стоят, смеются на ступенях
Все аттестованные гении!..
Прощайте други-братцы...

Я так наивен и смешон,
Пред вами я мальчишка,
Не повзрослел ни чуть, увы,
А вы серьёзны слишком...
Во мне как будто старый дух,
К сентиментальности он глух,
Смял радости излишки.

Семнадцать лет несчетных бед,

Сберечь бы в неизменных,
И каждый раз лечить недуг
Призывом вас на сцену,
Душой прозорливо взглянуть
С крыльца начатый путь
В семнадцать откровенных.

Восемнадцать

Потревожил минувшего память,
После школьные времена,
Обжигает тоскою пламя
И лишает ночного сна.

Восемнадцать нам только, и только
Из ребячества первый шажок...
Саша, Ира, Надежда, Толька... —
У начала своих дорог.

Собираются девушки замуж,
А парням предстоит служить.
Смотрят грустно и радостно мамы,
Как детей от беды заслонить?..

Нам, тогдашним, не ведомо было,
Через что предстояло пройти,
Не имеем мы в нынешнем силы,
Оказаться в начале пути...

Потревожил я память былого,
С ним, и грустно, а встретиться рад,
Где на все в этой жизни готовы,
Лица юные с фото глядят.

АТЫ-БАТЫ, ШЛИ СОЛДАТЫ

Перекур

Перекур! Кто не курит: отставить!..
Хоть и нет этих правил в уставе,
Подчиниться приказу пришлось,
Зря вскипает обида и злость.

В другой раз закурю я нарочно,
Хоть от курева станет мне тошно,
Но зато я в курилке останусь,
Да, сержант побуждает к обману.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.